

ВТОРОЙ РАУНД

Алёна Эвердин

Алёна Эвердин

Второй раунд

«Автор»
2026

Эвердин А.

Второй раунд / А. Эвердин — «Автор», 2026

Агния не видела Рому восемь лет. Когда-то их разлучили — и, казалось, навсегда.Теперь Рома — боец без правил, для которого ринг стал единственным местом, где можно не думать о прошлом. Агния — та, которой следовало остаться в этом прошлом.Но однажды вечером она приходит в дворец спорта, чтобы посмотреть на его бой.Что произойдет дальше, зависит не от того, кто победит на ринге. А от того, хватит ли им смелости на второй раунд. Тот, что начнется, когда бой будет окончен.От автора. Очень эмоционально. Первая любовь и разлука. Встреча через много лет. Герой - грин флаг! ХЭ через препятствия и недомолвки.

© Эвердин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Несколько лет назад 7
Глава 2. Булочка с корицей 12
Глава 3. Первая поездка 16
Глава 4. Ситуация накаляется 19
Глава 5. Это конец 22
Глава 6. 8 лет спустя 26
Глава 7. Сложный разговор 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Алёна Эвердин
Второй раунд

Пролог

Агния вышла из метро на полчаса раньше, на случай, если ей не посчастливится заблудиться. Этот район она до сегодняшнего дня видела только на картах. Улица в реальной жизни оказалась совсем другой, нежели на спутниковом снимке: более узкая, темная и куда более людная, чем представлялось.

Она свернула по указателю и почти сразу упёрлась в первые палатки.

Вдоль тротуара беспорядочно расползался рынок, местами захватывая и проезжую часть. У одного лотка продавали зонты по неслыханной акции: три штуки за триста рублей, судя по картонке с ценой, приклеенной скотчем прямо к столбу. У другого жарили орехи в карамели: запах стоял такой плотный, что на языке появлялся сладкий привкус, хотя в рот не попало ни крошки. Агния перехватила ремень сумки покрепче и пошла быстрее, глядя строго перед собой. Продавцы окликали каждого проходящего, не разбирая, смотрит человек в их сторону или нет.

Навигатор вёл её странно: налево, почти сразу направо, потом снова налево, будто маршрут прокладывали второпях. Один раз пришлось развернуться и отступить на два ряда назад. Потому что проход, который на карте выглядел сквозным, на самом деле упирался в глухую стену склада с облупившейся дверью. Возле этой двери влачил своё жалкое существование брошенный кем-то старый холодильник.

С каждым поворотом народу становилось больше. Сначала Агния не придавала этому значения: вечер пятницы, мало ли. Но постепенно стало ясно: почти все идут в ту же сторону, что и она. Компания парней в одинаковых спортивных костюмах обогнала её у поворота. Молодая пара держалась за руки так крепко, будто боялась потерять друг друга в толчее. Мужчина нёс ребёнка на плечах. Следом за ним семенила женщина на высоченных каблуках, которая, судя по виду, явно планировала оказаться в более торжественной атмосфере.

За последним павильоном рынок резко оборвался.

Здание, выросшее за ним как из воздуха, было полностью стеклянным и ослепительно ярким. После тёмных переулков глаза на секунду отказались его воспринимать. Агния поймала себя на том, что по профессиональной привычке, оценивает его как рекламный макет. Слишком идеальные пропорции, слишком выверенный свет. Как будто владелец специально поставил это здание именно сюда, потому что контраст с обшарпанными пятиэтажками вокруг работал лучше любого рекламного баннера.

Она на секунду остановилась, разглядывая толпу, стекавшуюся к главному входу сразу со всех сторон. А потом просто нырнула в это течение, позволяя нести себя туда же, куда несло остальных.

У входа было тесно и шумно. Кто-то спорил с охранником из-за банки энергетика, которую не пропускали внутрь. Чуть дальше блондинка с каре, пытаясь поймать в кадр телефона

светящуюся вывеску, пятилась назад. Кто-то громко звал по имени человека, потерявшегося в толпе минутой раньше.

Агния держала телефон с открытым билетом наготове, прижимая локтем сумку к боку. С каждым шагом к турникетам она чувствовала, как сердце бьётся быстрее. Дело было не в тесноте вокруг. Дело было в том, что обратной дороги, по сути, уже не осталось.

Турникет мигнул зелёным. Она прошла.

Внутри оказалось ещё больше людей, чем снаружи. Коридоры расходились в разные стороны, а указатели вели наверх. Кто-то то и дело проталкивался мимо с извинениями или вовсе без них. Агния шла к своему сектору, проходя мимо групп людей, стоек с мерчем и экранов с таймером обратного отсчёта.

Последний коридор вывел её сразу в зал.

Свет ударил в глаза раньше, чем она успела разглядеть хоть что-то конкретное. Следом накрыл плотный гул голосов, в готовом невозможно было различить отдельные слова. И в завершение её добила высота потолка, тонувшего где-то в темноте над софитами.

В центре, освещённая ярче всего остального пространства, стояла клетка.

Агния стояла у входа в свой сектор, стиснув ремень сумки так, что побелели костяшки. Оставалось сделать ещё один шаг вперёд, к своему месту, откуда обратной дороги уже точно не будет. У неё не получалось.

Глава 1. Несколько лет назад

Английский заканчивался в шесть, и от дома репетитора до их улицы было двадцать минут пешком. Агния знала это время точно, потому что мать озвучивала его каждый раз, стоило ей задержаться хотя бы на пять минут дольше. Обычно она шла по главной дороге, мимо аптеки и почты, там, где фонари горели через один, но в тот вечер тротуар перекопали, потому что прокладывали трубы. Ей пришлось срезать путь через улицу Заречную, туда, где заканчивался их посёлок и начинался частный сектор с гаражами и разбитым асфальтом. Агния торопилась, придерживая рукой длинную косу пепельно-русого оттенка, в которую мать каждое утро безжалостно стягивала её непослушные волосы, но к вечеру у висков всё равно выбивались пряди. Лицо у Агнии было мягкое: пухлые губы, которые она по привычке поджимала, стараясь выглядеть строже, чем чувствовала, курносый нос и большие тёмно-медовые глаза, выдававшие её с головой при первом же волнении.

Она не любила эту часть города. Там всё было другое: заборы ниже, собаки злее, а еще мужчины у гаражей смотрели на проходящих девушек так, что хотелось идти быстрее, глядя строго перед собой. Так себе обстановка. Агния перехватила рюкзак поудобнее и прибавила шаг.

И тут она услышала крики.

У ряда гаражей за углом трое окружили четвёртого. Это были мальчишки помладше её, лет двенадцати-тринадцати. Паренек, которого прижали к железной двери гаража, был меньше остальных ровно настолько, чтобы не иметь шансов. Один из троих держал в руках новый, ещё с целлофаном на сиденье велосипед.

Агния остановилась. Первая мысль была уйти в обход, но обходить было некуда. Заречная упиралась в тупик с той стороны, где стояли гаражи.

— Отдай, я сказал, — дрожащим голосом произнёс мальчишка, которого держали.

Один из троих толкнул его рукой в грудь и засмеялся. И тут появился он.

Агния так и не поняла, откуда он взялся. Просто в какой-то момент между гаражами оказался ещё один. Он был выше остальных на полголовы, уже по-взрослому широкоплечий. У него были тёмные взъерошенные волосы и острые скулы. Светло-серые глаза смотрели на троих без единой эмоции, будто все происходящее дальше было ему заранее известно наизусть и уже порядком наскучило. Руки сразу привлекали внимание — костяшки на них были сбиты, причем давно, будто это было для них обычным состоянием.

— Велик отдайте, — сказал он. Не громко и даже не особенно грозно. Просто как факт, который не обсуждается.

Трое обернулись на него. Тот, что держал велосипед, смерил его взглядом: сначала недоверчивым, потом узнающим, и лицо у него слегка изменилось.

— Тебе какое дело, Штейн?

— Дело такое, что я щас буду считать до трёх.

Он не досчитал. На счёт «два» тот, что стоял ближе, дёрнулся вперёд. То ли попытался ударить, то ли отпугнуть — и через секунду уже сидел на асфальте, зажимая нос. Второй же отступил на два шага назад, подняв руки, показывая, что он вообще ни при чём. Всё произошло так быстро и буднично, что Агния не успела испугаться: только моргнула, и картинка уже стала другой.

Третий мальчишка, тот, что держал велосипед, бросил его и попятился.

— Психованный! — выкрикнул он, но уже с безопасного расстояния, и все трое в спешке скрылись за углом гаражей.

Парень, которого прижимали к двери, выдохнул, поднял с земли велосипед, заботливо отряхнул его. Потом он посмотрел на своего спасителя снизу вверх с той благодарностью и восхищением, которые бывают у мальчишек только в этом возрасте.

— Спасибо, — промямлил он.

— Домой езжай не через дворы, — сказал парень в олимпийке. И только тогда, кажется, заметил, что у гаражей есть ещё один свидетель произошедшего.

Агния поняла, что слишком откровенно стоит и смотрит, только когда он повернулся к ней. Взгляд у него был спокойный, изучающий, совсем без неловкости.

— Ты чего застыла?

— Я не застыла, — ответила она и тут же почувствовала, что это прозвучало предельно глупо.

Он коротко, одним уголком рта усмехнулся, и вдруг сделал несколько шагов к ней и наклонился. У Агнии в руках, оказывается, раскрылась папка, когда она остановилась, и листы разлетелись по асфальту. Он подобрал несколько листов, собрал их в стопку и протянул ей.

— Держи, отличница.

— С чего ты взял, что я отличница?

— По лицу видно. — Он протянул листы, и она увидела вблизи, его руку. Там, где кожа успела зажить, остались белые полоски шрамов. — И вообще, что ты тут делаешь? Тут отличницы не ходят.

— Тротуар на Центральной перекопали, там трубы прокладывают.

— А. — Он кивнул, сунул руки в карманы и оглядел её с любопытством: аккуратная школьная форма, слишком прямая спина и встревоженные медовые глаза, которые совсем не вязались с её нарочито ровным голосом. — Ты из новых домов, что ли? С Садовой?

— Да.

— Понятно. — Он снова усмехнулся. — Ладно, отличница. Иди уже, а то кто-нибудь твой рюкзак проверить захочет.

Он развернулся и пошёл к гаражам, не оглядываясь, словно демонстрировал, что разговор был окончен и не заслуживал дальнейшего внимания. Агния осталась стоять с папкой в руках, чувствуя странное, совершенно ей не свойственное желание окликнуть его, чтобы хотя бы узнать имя.

Она узнала его позже.

— А, этот, — сказала Лера на перемене на следующий день, когда Агния, стараясь говорить безразлично, описала вчерашнюю сцену. — Рома Штейн. Спортсмен. Про него говорят разное.

— Что разное?

— Что дерётся много. Что его вроде на учёте держат. — Лера понизила голос, хотя рядом никого не было. — А ещё он на бокс ходит, у него вроде там неплохо получается, тренер даже возит его на областные соревнования.

— Он не показался мне таким уж… — Агния замялась, подбирая подходящие слова.

— Каким?

— Не знаю. Опасным.

Лера посмотрела на неё с преувеличенным подозрением.

— Тебе что, он понравился?

— Я его один раз видела, перестань!

— Ага, — сказала Лера, всем видом показывая, что она не поверила ни единому слову, и от этого стало почему-то неловко. Как будто Лера видела что-то, в чем сама Агния себе ещё не признавалась.

Вторую встречу она, конечно же, не подстроила. Она просто стала ходить на английский тем же путём, через Заречную, хотя трубу на Центральной давно закопали и асфальт заровняли. Она говорила себе, что так короче. Это всё было неправдой, но проверять это никто не собирался.

Они встретились снова через неделю, у тех же гаражей. На этот раз он просто сидел на перевёрнутом ящике возле открытых ворот одного из гаражей, обматывая руку бинтом. Внутри гаража висела подвешенная на цепи к потолочной балке боксёрская груша, судя по виду, пережившая многое.

— Опять ты, — сказал он, не поднимая головы, очевидно, заметив её ещё до того, как она подошла.

— Я не специально.

— Ну да. — Он затянул бинт зубами, придерживая конец, и наконец посмотрел на неё.

Она почувствовала, что краснеет, и разозлилась на себя за это.

— Может, мне просто нравится этот маршрут.

— Может. — Он не стал спорить и кивнул на грушу. — Хочешь попробовать?

— Ты серьёзно?

— Вполне. — Он поднялся, всё ещё разматывая и снова заматывая бинт на левой руке — привычным, отработанным движением, не глядя на пальцы. — Раз уж ты тут всё равно ходишь.

Она хотела отказаться. Это было бы разумнее, правильнее. Но вместо этого подошла к груше, чувствуя себя невероятно глупо в школьной форме и с рюкзаком за спиной, и ударила. Груша почти не качнулась. Костяшки отозвались неожиданной болью.

— Кулак сжимай правильно, — сказал он, подходя ближе, без насмешки, скорее по-деловому. — Большой палец держи сверху, а не внутри, а то сломаешь себе что-нибудь. И бей не рукой, а всем телом, от бедра.

Он продемонстрировал удар, не прикасаясь к груше, просто пару раз повторил движение. Агния попробовала еще раз, и теперь груша качнулась заметнее, а он одобрительно хмыкнул, будто она сдала ему какой-то маленький экзамен.

— Неплохо для отличницы.

— Может, хватит меня так называть?

— А как называть?

— Агния.

Он повторил имя один раз, будто пробуя его на вкус, а потом сказал:

— Агнешка тебе больше идёт.

Она хотела сказать, что никто никогда её так не называет, и это звучит по-детски, а она взрослая, и что он вообще не имеет никакого права придумывать ей прозвища. Но вместо этого промолчала.

Дома в тот вечер мать спросила, почему Агния снова задержалась, и она ответила, что репетитор задержала её, объясняя времена в английском языке. Мать, кажется, поверила, хотя в её взгляде на секунду мелькнуло что-то похожее на сомнение. Мама привыкла знать про дочь всё.

Агния лежала вечером в своей комнате и смотрела в потолок, вспоминая, как он произнёс её имя, будто пробовал его на вкус. Она говорила себе, что это ничего не значит. Что через неделю она забудет дорогу через Заречную и снова будет ходить мимо аптеки, как раньше.

Она не забыла. И этот путь выбирала ещё много раз, до самого конца учебного года, а потом и после него.

Глава 2. Булочка с корицей

К концу сентября у неё появился целый набор объяснений, которые она держала наготове, как козырь в рукаве: у Леры сложный проект по литературе, поэтому надо задержаться в школе; репетитор перенесла занятие на час позже; в библиотеке очередь на нужную книгу, а без неё сочинение не написать. Мать проверяла не все объяснения одинаково внимательно, и Агния быстро научилась чувствовать, какое сработает, а какое вызовет лишние вопросы.

На самом деле после уроков она почти каждый день сворачивала на Заречную.

Иногда Рома был у гаражей, обматывал руки перед тем, как ехать на тренировку в город. У них в посёлке своего зала не было, только та самая груша в гараже. Иногда его не было вовсе, и она испытывала разочарование, и всё равно приходила снова.

— Ты сегодня раньше, — сказал он как-то, увидев её.

— У нас литературу отменили.

— Сочиняешь на ходу. У вас физкультура по средам последним уроком, ты сама говорила.

Она замерла, потому что не ожидала, что он помнит такую мелочь, как расписание её уроков.

— Ладно. Не хотела наблюдать весь урок, как Светка Морозова не может перепрыгнуть через козла.

— Вот это уже похоже на правду. — Он усмехнулся и кивнул на грушу. — Будешь?

Она стала бывать здесь так часто, что тело начало привыкать к нагрузке. Костяшки уже не отзывались болью после каждого удара, а движение от бедра, которому он её учил, получалось само, без напоминаний.

— Из тебя вышел бы неплохой боец, — сказал он однажды, когда она била грушу с закрытыми глазами: хотела прочувствовать, как работают мышцы.

— Мне это не пригодится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Она опустила руки, тяжело дыша. — У меня всё расписано на десять лет вперёд. Школа с медалью, потом экономический факультет. Всё как у отца. Потом работа по образованию, потом какой-нибудь выгодный муж, которого одобрит мама. Бокс туда как-то не очень вписывается.

Он внимательно смотрел на неё, будто что-то взвешивая.

— И тебя это устраивает, Агнешка?

— А у меня есть выбор?

Он не ответил сразу, снял с крюка грушу, которая раскачивалась от последнего удара, придержал её рукой.

— У меня, если честно, тоже расписано, только по-другому, — сказал он наконец. — Или бокс, в этом случае, может, я куда-то и выберусь. Или как отец.

Про отца он раньше не говорил. Агния подумала, что не стоит сейчас пытаться залезть ему в душу. Когда захочет, он наверняка расскажет всё сам.

Но он ничего тогда не рассказал.

* * *

С его матерью она познакомилась случайно. Они с Ромой вышли от гаражей в сторону дома Агнии. Внезапно зарядил дождь, да такой сильный, что бежать до дома было бы глупо. А прятаться под козырьком одного из гаражей — бесполезно.

— Пошли, — сказал Рома, кивнув в сторону дома через дорогу. Дом был невысокий, с покосившимся забором и теплым светом в окнах. — Пересидишь, пока не перестанет.

Дома пахло выпечкой, было чисто и уютно, несмотря на совсем простую обстановку.

— Ромка, ты с кем пришёл? — Женщина у плиты обернулась, вытирая руки о фартук. Агния почувствовала неловкость и любопытный взгляд на себе.

— Мам, это Агния. Мы с ней под дождь попали.

— Агния, — повторила женщина, точно так же, как когда-то её сын. — Красивое имя. Садись, чаю налью, а то вон вся продрогла. Тебе с сахаром?

Агния сначала хотела отказаться — привычка, которую в её доме воспитывали годами. Мама всегда учила не быть в тягость, не занимать чужого времени. Но перед ней уже стояла чашка и тарелка с булочкой, безумно вкусно пахнущей корицей. Отказываться стало бы просто грубо, да и уже не хотелось.

— Мам, да мы только дождь переждать зашли.

— А что, я не могу гостью чаем напоить? — Женщина села напротив, подперев щёку рукой, и посмотрела на Агнию с интересом. — А ты где живешь-то?

— В новых домах, на Садовой.

— Красиво там у вас, клумбы такие здоровские.

— Мам!

— Молчу, молчу. — Она подмигнула Агнии, вставая, чтобы проверить противень в духовке. И этот жест, лёгкий и дружелюбный, показался Агнии таким непривычным, что на секунду у неё перехватило горло.

Дома никто друг другу не подмигивал.

Она просидела у них почти час, слушая, как мать Ромы рассказывает про соседку, которая развела кур прямо во дворе, и маленькие цыплята забегают к ним через забор. Про то, что весной надо его чинить. Рома почти не встревал, он сидел напротив и изредка усмехался её словам.

— Она у меня хорошая, — сказал он тихо, когда за матерью закрылась дверь на кухню. — Только болтливая.

— Она очень классная!

— Классная, — повторил он с сомнением, будто впервые применил это слово к собственной матери.

— А отец где? — спросила Агния, не подумав, и тут же осеклась.

Он посмотрел на дождь за окном.

— Он здесь не живет.

Больше он не сказал ничего, и она снова не стала настаивать.

Дождь закончился раньше, чем ей хотелось.

* * *

Дома в тот вечер мать как обычно спросила, где она задержалась. Агния сказала, что заходила с Лерой в кондитерскую у школы, переждать дождь. Ложь получилась гладкой, без запинки, и от этого стало почему-то не по себе. Раньше она не умела врать матери так легко.

Она лежала вечером и вспоминала, как Рома отвёл взгляд, когда она ляпнула про отца. И поняла, что хочет знать про него больше, чем он сейчас готов рассказывать.

* * *

Ближе к декабрю их встречи перестали быть случайными даже формально. Она уже не пыталась обмануть себя, будто идёт через Заречную по какой-то очень важной причине, а просто и открыто приходила к Роме. И он тоже перестал делать вид, что удивлён.

Один из вечеров она запомнила лучше остальных. Они сидели на бетонном парапете у гаражей, дыша паром на морозе: Рома был в куртке нараспашку, будто холод его мало волновал, а Агния в шапке, которая сползала на глаза каждый раз, стоило повернуть голову.

— У тебя шапка не по размеру, — сказал он, протянул руку и поправил её. Просто сдвинул на место, ничего больше, но пальцы на секунду задержались у виска.

Агния замерла.

— Спасибо, — сказала она, и голос прозвучал тише, чем она ожидала.

Он не убрал руку сразу. Смотрел на неё в свете единственного работающего фонаря так, что у неё сбилось дыхание. В голове мелькнула мысль: сейчас, наверное, должно произойти что-то, к чему она совсем не готова. Но отстраниться она не могла и не хотела.

— Агнешка, — сказал он тихо.

И тут телефон у неё в кармане взорвал тишину звонком. Мать, как обычно, уже ищет её.

Рома отдёрнул руку, будто спохватился, и момент рассыпался так же внезапно, как возник. У Агнии застучало в висках, и она полезла за телефоном.

Запинаясь, соврала матери про очередь в магазине. А когда подняла взгляд, Рома уже смотрел в сторону, на пустую дорогу.

— Иди, — сказал он. — А то влетит.

Она пошла медленно, не оглядываясь. И всю дорогу домой чувствовала на виске тепло его пальцев, и старалась запомнить это ощущение как можно лучше.

Глава 3. Первая поездка

После того вечера у гаражей они почти неделю не виделись. Оба, кажется, испугались одного и того же. Никто из них не знал, с чего начать разговор. Может, лучше вообще сделать вид, что ничего не произошло.

Агния ходила старым путём, мимо аптеки и почты, чтобы не испытывать неловкости.

На седьмой день на телефон пришло сообщение с незнакомого номера. В первую же секунду в голове Агнии пронеслась мысль о Роме, и интуиция её не подвела.

«В субботу еду на область, первый бой в полуфинале. Приезжай, если придумаешь причину поуважительнее очереди в библиотеке».

Она перечитала сообщение три раза, прежде чем ответить.

Причина придумалась такая: у Лериной тётки из соседнего города день рождения. Лера позвала Агнию с собой, вернутся они только поздно вечером. Мать хмурилась, задавала вопросы: адрес, кто повезёт девочек, но Лера, посвящённая во всё заранее, отвечала настолько уверенно и подробно, что подозрение так и не переросло в обвинения.

Автобус шёл два часа. За окном уже лежал снег, плотный, будто кто-то второпях набросил на землю белое покрывало. Поля тянулись до самого горизонта ровной белизной, и только редкие чёрные ветки кустов торчали из-под неё. Вдоль трассы медленно проплывали замёрзшие посёлки: тёмные заборы, присыпанные снегом крыши, пустые остановки. Иногда поднимался ветер, подхватывал с обочины сухую снежную пыль, закручивая её вихрями. Агния всю дорогу смотрела в окно, чувствуя, как внутри что-то сжимается, чем ближе они подъезжали, тем сильнее. Он официально пригласил её на соревнования, он хочет поддержки именно от неё.

Зал, куда её пустили по контрамарке от тренера, оказался маленьким, душным, пропахшим потом и мастикой для пола. Трибуны были деревянные, скрипучие. Пространство было набито битком: родители, тренеры, мальчишки помладше с блокнотами, участники соревнований в спортивной форме, болельщики с плакатами, свистевшие каждому выходу своей команды.

Рому она узнала сразу: шорты, капа во рту, руки уже забинтованы под перчатками. На ринге он двигался иначе: собраннее, тише, пряча куда-то ту небрежность, с которой обычно перемещался в своей среде.

Соперник у него был явно старше и шире в плечах. Первый раунд Агния просидела, вцепившись в собственные колени. Впервые она видела, как Рома сражается не с грушей, а с человеком, который отвечает ему тем же.

Во втором раунде Рома поймал удар в челюсть. Он не упал, но покачнулся, отступив на шаг. Весь зал разом задержал дыхание, а Агния и вовсе похолодела.

Он выстоял. К третьему раунду что-то в нём переключилось, будто внутри щёлкнул невидимый тумблер. Усталость отступила, сменилась холодной, сосредоточенной яростью. Теперь уже соперник отступал, прикрываясь и ловя удары то по корпусу, то по перчаткам. В его движениях читалась уже не тактика, а попытка просто дотянуть до гонга. Рома шёл вперёд, не давая ему передышки, выбрасывая серии коротких, точных ударов, и зал ревел всё громче, чувствуя перелом. А под конец, когда прозвучал финальный удар гонга, судья сделал шаг в центр ринга, взял обоих за запястья и после короткой паузы резко вскинул вверх руку Ромы. И тогда зал взорвался окончательно: крики, свист, аплодисменты слились в один сплошной гул, а кто-то уже лез через канаты. Тренер что-то кричал, а Рома стоял в этом шуме и тяжело дышал, с разбитой бровью и поднятой рукой. Он улыбался устало, по-мальчишески. Агния смотрела на него, не отрываясь, и вдруг поняла, что плачет. Слёзы текли по щекам, а она даже не заметила, в какой момент это началось.

После боя она ждала его у выхода из раздевалок почти час, пока тренер отпускал ребят по одному, читая какое-то персональное напутствие каждому. Когда Рома вышел, с синяком, который начал наливаться под глазом, она подбежала к нему.

— Я в тебе не сомневалась!

— Это хорошо. Потому что я в один момент в себе очень даже сомневался.

Они стояли друг напротив друга в пустом коридоре спортшколы, пахнущем хлоркой, и она вдруг поняла, что не знает, куда деть руки.

— Слушай, — начал он и замолчал.

— Что?

— Ничего. — Он помотал головой, поморщился от резкого движения, потом всё же сказал: — Спасибо, что приехала.

— Знал бы ты, чего мне это стоило. Пришлось даже подключить связи.

— Ты соврала маме ради какого-то полуфинала третьего разряда в области.

Он сократил расстояние между ними, сначала будто неуверенно, потом решительно, и неловко поцеловал её. Агния обхватила его за шею, забыв на секунду и про автобус, и про мать с её списком вопросов.

Когда он отстранился, оба молчали ещё какое-то время, не зная, что теперь полагается говорить в таких случаях.

— Больно было? — спросила она наконец про бровь, и он засмеялся, впервые за вечер. От этого смеха у неё внутри опять что-то сжалось.

Обратно они возвращались вместе, потому что тренер дал Агнии место в автобусе с командой, и всю дорогу до посёлка молчали, держась за руки на заднем сиденье, пока она делала вид, что смотрит только в окно.

Дома мать спросила, как прошла поездка, и Агния рассказала про несуществующий день рождения тёти так подробно, что сама удивилась собственной изобретательности. Ложь давалась легче, чем раньше. Это должно было её встревожить, но не ей было не до того.

С того дня ребята стали видеться не только у гаражей и урывками. Рома провожал её почти до самого дома, останавливаясь за два квартала. Они много держались за руки и долго прощались, не желая расставаться даже до завтра.

Про его отца она узнала не от него от его матери, за чаем, когда Рома выскочил в магазин за сахаром.

— Он не с нами живёт, — сказала тётя Люда, разливая кипяток. — Ушёл, когда Роме было десять. Пил сильно, а как ушёл, вроде завязал. Живёт теперь с новой семьёй, в области. Ромка его видеть не хочет, хотя тот пару раз звонил.

— Почему не хочет?

— А ты бы хотела? — Тётя Люда посмотрела на неё. — Сам всё расскажет, когда захочет. Он не очень любит эту тему.

И когда через неделю Рома сам заговорил об этом, глядя не на неё, а на грушу, она просто слушала, ничего не переспрашивала. И он это ценил.

К февралю у них появился целый негласный свод правил: не встречаться у школы, где могли увидеть общие знакомые с Садовой; не писать друг другу в соцсетях, где мать проверяла переписку время от времени под предлогом «посмотрю фотографии»; звонить только с определённого времени, когда мать смотрела свой сериал и не заглядывала в комнату дочери.

Секретность не пугала Агнию. Наоборот, это делало каждую встречу острее, значительнее, чем если бы всё происходило открыто и у всех на виду.

Она не знала тогда, что за секретность придётся заплатить дороже, чем ей казалось. Ведь впервые за долгое время у неё появилось что-то по-настоящему своё.

Глава 4. Ситуация накаляется

Их выдала фотография.

Кто-то из зрителей полуфинала выложил в областной паблик фотографии с награждения. На одном из кадров на заднем плане, с самого края, оказалась Агния. Аплодирующая, с сияющим лицом. Фото просмотрело человек триста, и среди них случайно оказалась двоюродная сестра матери, которая узнала племянницу мгновенно. Не подумав ни секунды, переслала матери с подписью: «Валя, это случайно не твоя Агния?».

Мать вызвала её на разговор в девять вечера, когда Агния уже готовилась ложиться спать. Она просто положила перед ней телефон, скрестив руки на груди. Отец, сидящий в кресле с газетой, удивленно повернул голову.

— Объясни, — сказала мать.

Агния сначала надеялась соврать, судорожно перебирая в голове все версии, но ни одна из них не могла объяснить её присутствие в другом городе. Мать смотрела на неё так, что ком встал в горле.

— Мы встречаемся. Я и Рома Штейн, — сказала она наконец. — Уже несколько месяцев.

Тишина в гостиной стояла такая звенящая, что Агния успела пожалеть о своей честности раз десять. Отец, до этого молчавший, отложил газету и произнёс ровным тоном, который пугал больше любого крика:

— С тем самым хулиганом? Который на учёте с малых лет состоит?

— Его зовут Рома.

— Мне неважно, как его зовут.

Дальше был разговор, который Агния вспоминала потом перед сном. Про то, что ей семнадцать и она ничего не понимает про жизнь; про то, что у этого мальчика нет будущего и нет перспектив; про то, что мать «столько вложила» в её образование и репутацию, а она «готова всё перечеркнуть ради драчуна с окраины». Отец говорил меньше матери, но каждое его слово весило больше, потому что отец редко повышал голос вообще.

— Ты больше не пойдёшь на эту Заречную, — сказала мать в конце. — Я сама буду забирать тебя после английского.

— Это несправедливо, мам! Я уже не ребёнок.

— Справедливо было бы вообще запретить тебе телефон, но я пока этого не делаю.

Первую неделю мать действительно забирала её с занятий лично, стоя у подъезда репетитора с каменным лицом, и увозила прямиком домой. Агния писала Роме короткие сообщения поздно ночью, когда сериал матери заканчивался и она укладывалась спать. Он отвечал

коротко, без паники, будто держал ситуацию под контролем. И от этого ей становилось немного спокойнее.

«Ничего, переждём», писал он. «Не переживай, учи уроки».

Она не была уверена, что это тот случай, который можно просто переждать.

Через две недели мать ослабила хватку, решив, видимо, что разговора и слежки хватило, чтобы всё прекратилось само собой. Именно тогда, в затишье, отец сделал то, о чём Агния узнала далеко не сразу.

Она узнала об этом от самого Ромы.

— Твой отец приезжал ко мне, — сказал он, глядя в сторону. — К гаражам, примерно неделю назад.

— Что он сказал?

— Предложил денег. — Рома усмехнулся, но в этой усмешке не было ничего весёлого. — Сказал, что понимает, у меня «сложное положение», и готов помочь, если я «оставлю его дочь в покое, пока не наделал глупостей». Назвал сумму. Приличную, кстати. На машину бы хватило.

— И что ты?

— Сказал, чтобы он засунул эти деньги себе в бардачок и больше ко мне не подкатывал.
Агния молчала, чувствуя что-то среднее между стыдом и яростью.

— Почему ты сразу не рассказал?

— А что бы изменилось? — Он наконец посмотрел на неё. — Ты бы разозлилась на отца, он бы понял, что я тебе рассказал, и разозлился на меня ещё сильнее. Я решил, лучше пока промолчать.

Она обняла его крепче, чем обычно, потому что слов не нашлось вовсе.

Потом этого начались другие неприятности. Помельче, но их было много: тренера Ромы вызвали в спортивную комиссию с какой-то странной проверкой документов, которая ничем не закончилась, но отняла у него кучу нервов; в школе, где училась Агния, вдруг всплыл вопрос о «неподобающих знакомствах», который классная руководительница аккуратно подняла на собрании; кто-то из знакомых матери якобы случайно встретил Рому у магазина и завёл разговор о том, что в его положении стоило бы думать о будущем, а не о девочках не своего круга.

Ничего из этого не работало напрямую. Но работало вместе, по капле, изматывая обоих, заставляя быть осторожнее, встречаться реже, оглядываться чаще.

Однажды в марте Агнию засекли на выходе из дома Ромы, куда она зашла на десять минут, сказав дома, что идёт к Лере. Поймала её соседка с их же улицы, знакомая семьи, которая, конечно, не удержалась и рассказала матери «по-соседски, чтобы предупредить».

В этот раз разговора не было вовсе. Мать просто забрала у неё телефон на неделю и водила её в школу, до самых дверей, как в первом классе.

— Ты не понимаешь, что творишь, — сказала мать в машине, глядя строго перед собой. — Ты губишь себе жизнь ради мальчика, у которого отец алкоголик, а сам он шесть месяцев в году ходит с синяками на лице. Через пять лет ты очнёшься с ребёнком на руках в этом же посёлке. Без образования, без перспектив. И будешь вспоминать этот разговор с сожалением.

— Ты ничего о нём не знаешь!

— Я знаю достаточно, чтобы понять, что это не твой путь.

Агния смотрела в окно всю дорогу. Она чувствовала, как внутри неё что-то твердеет и застывает в решимость, которой раньше не было. Решимость, что чем сильнее её будут тянуть в одну сторону, тем крепче она будет держаться за другую.

Она ещё не знала, что у родителей был план серьёзнее слежки и разговоров с убеждениями. План, о котором она узнает слишком поздно, чтобы успеть что-то изменить.

Глава 5. Это конец

Отец объявил о переезде за ужином, в четверг. Ровным голосом, будто говорил о котировках на бирже.

— Мне предложили партнёрство в Петербурге, — сказал он, накладывая себе гарнир. Так спокойно, будто уже успел свыкнуться с формулировкой. — Своя доля в компании, совершенно другой уровень. Мы переезжаем всей семьёй. Я подписал документы на квартиру ещё в понедельник.

Агния отложила вилку.

— Всей семьёй? То есть я тоже?

— Разумеется, ты тоже, — сказала мать таким тоном, будто вопрос был по меньшей мере странным. — Ты наша дочь, а не квартирантка, которую можно оставить с ключами присматривать за котом.

— Вы могли хотя бы спросить моё мнение.

— А что бы изменилось, спроси мы твоё мнение? — Отец отложил приборы с той нарочитой аккуратностью, создавая видимость спокойствия. — Ты бы сказала «нет», но мы бы всё равно поехали. Только с испорченным настроением прожили бы все предыдущие дни. Так хотя бы обошлось без лишних слёз за ужином.

— Слёзы, кажется, всё равно будут.

— Агния!

— Вы просто увозите меня. Как угодно это назовите, суть одна: вы не хотите, чтобы я была рядом с Ромой. И вы решили эту проблему самым надёжным способом, какой только можно придумать, забрав меня целиком.

На какое-то время повисла тишина.

— Хорошо, — прервал её отец. — Скажу прямо, раз уж мы вроде решили сегодня говорить начистоту. Да, отчасти дело в этом. Но даже если бы никакого Ромы не существовало в природе, партнёрство в Петербурге всё равно было бы шагом вперёд для всей семьи. Ты бы сама это признала, если бы потрудилась подумать головой. А не тем местом, которым думают в твоём возрасте.

— Очень остроумно.

— Я не пытаюсь быть остроумным. Я пытаюсь спасти тебя от ошибки, за которую ты будешь расплачиваться годами.

— От какой ошибки? Влюбиться в человека, который вам не нравится?

— От ошибки прожить чужую жизнь вместо своей, — отрезала мать. — Ты думаешь, любовь в семнадцать лет — это надёжный фундамент, на котором можно строить будущее? Через пять лет вы оба будете совершенно другими людьми. Только ты к тому времени успеешь испортить себе всё, а он так и останется там, где начинал: в своих гаражах и драках.

Агния встала из-за стола так резко, что стул позади неё пошатнулся.

— Когда отъезд?

— В субботу, — сказал отец, и впервые за весь разговор в его голосе мелькнула неловкость. Будто даже он сам понимал, насколько это скоро.

— Через три дня!

— Мы не хотели затягивать. Чем раньше устроимся на новом месте, тем легче адаптируемся все вместе.

— Вы хотите сказать, чем раньше вы меня увезёте, тем меньше у меня будет времени что-то предпринять!

Никто не стал ей возражать. Молчание было красноречивее любого аргумента.

Следующие три дня превратились в непрерывную осаду. Телефон у неё забрали в тот же вечер, назвав это «временными неудобствами». Компьютер вынесли из комнаты якобы для упаковки, а на все просьбы выйти хоть на десять минут мать отвечала одинаково: «зачем тебе куда-то ходить, у нас ещё вещи не собраны». Агния понимала, что это тюрьма, устроенная настолько тщательно, что не к чему было придраться.

Она успела передать Роме только одно сообщение, второпях, через Леру. Та, рискуя навлечь на себя гнев собственных родителей, согласилась занести записку по дороге в школу. Записка была короткой: «Меня увозят в субботу. Мы переезжаем навсегда. Не знаю, как теперь быть».

Суббота началась с грузчиков, топавших по лестнице с самого раннего утра. С картонных коробок, громоздившихся в прихожей. С суеты, в которой личные вещи Агнии смешивались с посудой и постельным бельём в общую массу. К полудню квартира опустела настолько, что звук шагов теперь отдавался гулким эхом от голых стен, а к двум часам дня внизу уже ждала машина, чтобы отвезти их на вокзал.

Агния сидела на заднем сиденье, зажатая собственным чемоданом. Она смотрела в окно на проплывающий мимо посёлок, пытаясь запечатлеть его в памяти как можно подробнее, до последнего кустика.

На вокзале было людно и шумно. Это та особая вокзальная суета, в которой каждый спешит и никто по-настоящему не смотрит по сторонам. Отец расплачивался с носильщиком, мать сверяла билеты, а Агния стояла рядом, оглушённая происходящим. Настолько, что не сразу расслышала, как кто-то выкрикнул её имя со стороны привокзальной площади.

Она обернулась и увидела его.

Рома бежал через площадь, расталкивая прохожих. Он был без куртки, несмотря на холод, будто выскочил из дома в чём был, едва узнав новость.

— Агния!

Отец среагировал раньше, чем она успела сделать хотя бы один шаг ему навстречу. Он схватил её за локоть, развернул спиной к площади. А сам шагнул наперерез, вставая между дочерью и приближающимся Ромой. Так, будто защищал её от физической угрозы, а не от человека, которого она любила.

— Уйди, — сказал отец, и голос его звучал низко, жёстко, без единого намёка на привычную холодную вежливость. — Немедленно. Или я вызову охрану вокзала, и разбираться с тобой будут уже они.

— Мне нужно только поговорить с ней. Пять минут, я не прошу больше ничего.

— Тебе нечего о чем с ней разговаривать. Всё, что нужно, она уже слышала, и хватит.

— Это ей решать, а не вам!

Рома попытался обойти отца сбоку, но тот перехватил его за плечо с неожиданной для делового человека силой. В следующую секунду оба уже сцепились у самого края платформы, куда уже спешил охранник, привлечённый шумом и криками.

— Рома! — закричала Агния, вырываясь из рук матери, которая держала её за плечи. — Отпусти меня, мама, пожалуйста, отпусти!

— Стой на месте, — прошипела мать ей в самое ухо. — Не смей устраивать здесь сцену.

Охранник оттащил Рому за руки, но тот, оказавшись зажатым между двумя мужчинами, всё равно продолжал вырываться. Он смотрел поверх их плеч на неё, будто весь остальной мир вокруг перестал существовать.

— Агнешка! Я найду тебя, слышишь? Что бы ни случилось, я тебя найду!

— Рома!

— Гражданин, успокойтесь, или мы вызываем полицию, — говорил охранник, оттесняя его дальше от платформы. Отец уже разворачивал Агнию за плечи в сторону вагона, крепко, немного грубо, и не оставляя ни секунды на раздумья.

— Пусти его! — Агния рванулась в последний раз, но хватка отца оказалась крепче, чем она рассчитывала. А сил у неё осталось уже слишком мало для настоящей борьбы.

— В вагон, — сказал отец сквозь зубы. — Немедленно.

Она видела, как охранник и подоспевший второй сотрудник вокзала оттесняют его за ограждение. Он всё ещё вырывался, выкрикивая что-то, чего уже было не разобрать за шумом

отправления. А на скуле у него темнел свежий кровоподтёк, оставшийся от короткой стычки с отцом.

Поезд плавно тронулся, и перрон за окном медленно пополз назад: сначала фигура Ромы, всё ещё удерживаемого охраной, потом вокзальные фонари, потом сам город, растворяющийся в сером мареве за окном вагона.

Мать села напротив, поправила складку на юбке, взглянула на дочь.

— Ты ещё скажешь мне спасибо, — сказала она.

Агния не ответила. Она смотрела в окно на проносящиеся мимо деревья и думала только о лице Ромы, искажённом отчаянием.

Отец вернулся в купе только через полчаса, потирая костяшки одной руки. Он сел рядом с матерью с таким видом, будто ничего особенного не произошло. Будто драка на перроне была не более значительным событием, чем задержавшийся носильщик.

В Петербурге начиналась совсем другая жизнь, распланированная заранее до последней детали. Новая школа, новая квартира, новые правила. Родители сменили её номер и полностью удалили список её контактов из телефона, и звонить было больше некому и некуда.

Так продолжалось годами: университет, выбранный отцом, квартира, оплаченная отцом, круг знакомств, одобренный матерью. Вся жизнь по-прежнему собиралась из чужих решений, аккуратно оформленных как забота. Только гораздо позже, когда ей исполнилось двадцать пять и она наконец нашла в себе силы съехать от родителей на собственную съёмную квартиру, у неё впервые за восемь лет появилось нечто, чего не было всё это время: право самой решать, куда идти и кого искать.

Дорогие читатели! В следующей главе - встреча Агнии и Ромы спустя 8 лет! Но это еще не конец всех преград между ними...

Глава 6. 8 лет спустя

Диктор объявил его имя не сразу, а после долгой, нарочито растянутой паузы. Перед этим он успел перечислить весь послужной список: количество побед, процент побед досрочными, титул, который Рома защищал сегодня третий раз подряд. С каждой цифрой зал взвинчивался всё выше, пока наконец не прозвучало само имя.

— Роман Штейн!

Свет над одним из выходов вспыхнул белым цветом и врезался в темноту зала прожекторным лучом. Из туннеля, окутанного дымом машины спецэффектов, вышел человек, которого Агния не видела восемь лет.

Она узнала его мгновенно, ещё до того, как разглядела лицо. Его походка, его разворот плеч. Какое-то спокойствие в движениях, которое отличало его даже в семнадцать.

Он был выше, чем ей помнилось, шире в плечах. Тёмные волосы, всё такие же непослушные, были коротко острижены по бокам. Вдоль левого предплечья теперь вилась чёрная татуировка, разобрать которую издалека не получалось. Челюсть стала выраженнее, скулы более резкими, будто годы стёсывали с его лица всё лишнее.

Он шёл к клетке под рёв зала, не глядя по сторонам, сосредоточенный внутри себя. Агния поймала себя на мысли, что уже довольно долго не дышит.

Клетка стояла в центре зала. Над ней висели экраны, транслировавшие крупным планом лицо Ромы, пока он заходил внутрь через открытую дверцу, разминая плечи. Девушка с номером раунда на табличке уже заняла своё место у края, ожидая, когда рефери подзовёт обоих бойцов для последнего инструктажа. Музыка резко стихла, и в наступившей тишине было слышно, как диктор откашливается перед новым объявлением.

— Ну наконец-то, — сказал мужчина, сидевший рядом с ней, и хлопнул её по плечу с восторгом человека, дождавшегося главного блюда после сета закусок. — Штейн в третий раз титул защищает, представляешь? Сильный бой будет.

— Впечатляет, — выдавила Агния, не отрывая взгляда от клетки.

— Ты вообще сюда зачем, дочь, если не секрет? — Мужчина покосился на неё с добродушным любопытством. — Не похожа ты на фаната. Первый раз, что ли?

— Что-то вроде того.

— Ну, повезло тебе с таким дебютом. Штейн сегодня против Лаврова дерётся, а Лавров, между прочим, никому до сих пор не проигрывал. Будет о чём внукам рассказать.

Она не ответила, потому что в этот момент объявили соперника, и на арену вышел второй боец. Коренастый, с бритой головой, и ей вдруг стало по-настоящему волнительно.

Бой начался без раскачки. Первый раунд прошёл в жёсткой, почти сплошной перестрелке ударами. Лавров работал корпусом, стараясь загнать Рому к стенке клетки. Тот держал дистанцию, отвечая точечно, экономно, как будто берёг силы. Зал ревел на каждый удачный удар с обеих сторон. Агния, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, ловила себя на мысли, что задерживает дыхание с каждым обменом ударами.

Во втором раунде что-то пошло не так.

Лавров поймал Рому боковым в челюсть. Удар был точным и тяжелым, и Рома пошатнулся так, что колено едва не коснулось настила. Зал разом ахнул единым выдохом на три тысячи человек.

— Ну всё, началось, — пробормотал сосед мрачно, подавшись вперёд.

Агния почувствовала, как внутри всё оборвалось и под ней качнулся пол. На секунду мир сузился до одной точки: до его лица. Совершенно иррационально и по-детски возникло желание вскочить и закричать, хотя от этого крика вряд ли ей стало бы легче.

Он стоял, хотя ещё секунду назад казалось, что колени вот-вот подведут его.

Лавров бросился добивать, чувствуя близкую победу. И именно в эту секунду, когда все вокруг были уверены, что бой вот-вот закончится не в его пользу, Рома сделал то, что Агнию поражало ещё в юности. Щёлкнул невидимый переключатель, и он встретил атаку не отступлением, а встречным ударом такой точности, что Лавров осел на настил раньше, чем зал успел до конца понять, что произошло.

Рефери оказался рядом мгновенно, разводя бойцов, поднимая руку над упавшим соперником в жесте, не требующем перевода. Зал взорвался настолько плотным звуком, что у Агнии на секунду заложило уши.

— Вот это да, — выдохнул сосед, откидываясь на спинку кресла с видом человека, только что пережившего потрясение. — Я говорил тебе, я говорил! Штейн это машина, ему хоть в челюсть, хоть в глаз, всё равно поднимется.

Агния уже ничего толком не слышала, кроме собственного сердца. Оно колотилось так, будто она сама только что вышла из клетки, а не просидела весь бой в кресле.

Рома стоял посреди настила, тяжело дыша. Его бровь была рассечена, из неё на скулу стекала тонкая струйка крови. Он однимал перчатки над головой под свет прожекторов и вспышки камер, а рефери что-то говорил ему на ухо.

Потом он начал обводить взглядом зал, так, как это обычно делают победители после боя, ища в толпе своих: тренера, семью, кого-то, кому можно молча сказать «получилось» без единого слова. Взгляд скользил по трибунам методично, слева направо. Он не задерживался ни на секунду ни на камерах, ни на фанатских плакатах.

Агния поняла, что происходит, только когда его взгляд дошёл до её ряда и замер на ней. На долю секунды ей вспомнился тот день. Перрон, охрана, оттеснявшая его за ограждение, и пугающая беспомощность на его лице. Только тогда она стояла по другую сторону баррикад,

уезжающая прочь не по своей воле. Сейчас же Агния сидела в нескольких десятках метров от него, и их ничего не разделяло, кроме этого расстояния.

Рома так и стоял посреди клетки и смотрел прямо на неё, вжавшуюся в кресло, с сумкой на коленях и сердцем, которое, кажется, забыло привычный ритм. По его лицу, ещё секунду назад искажённому азартом только что закончившегося боя, начало медленно расползаться совсем другое выражение. Это было узнавание, смешанное с потрясением.

Глава 7. Сложный разговор

Он не сразу смог подойти к ней.

Сначала были формальности, от которых он бы с радостью отказался, судя по его лицу. Рефери поднимал его руку перед камерами, а комментатор совал к его лицу микрофон, задавая вопросы про третью защиту титула. Рома отвечал коротко, невпопад, то и дело бросая взгляд в сторону зала, проверяя, не исчезла ли она.

Агния никуда не исчезла. Она стояла у своего кресла, не в силах ни сесть обратно, ни уйти. Она стиснула ремень сумки так, что побелели костяшки, и смотрела, как его уводят в подтрибунное помещение на медицинский осмотр. Сейчас, наверное, самое время развернуться и уйти, пока ещё есть такая возможность. Так она думала, но не могла двинуться с места.

Минут через двадцать, когда трибуны уже опустели, а работники арены начали сворачивать оборудование, к ней подошёл человек в форменной футболке с логотипом организации. Наклонившись, он спросил, не она ли Агния. Получив растерянный кивок, попросил пройти с ним.

Коридоры за сценой оказались куда менее праздничными, чем зал: голые бетонные стены, провода, свёрнутые в бухты, запах антисептика из открытой двери медицинского кабинета. Она шла за провожатым, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. В какой-то момент он вывел её к небольшой комнате. Внутри на кушетке сидел Рома. Он был уже без перчаток, с пластырем над бровью и полотенцем на плечах. Рядом за столом сидел врач, который в этот момент заполнял какой-то бланк.

Врач поднял голову, увидел её, потом взглянул на Рому, хмыкнул с видом понятливого человека, и молча вышел, прикрыв за собой дверь и оставляя их наконец наедине друг с другом.

Агния не знала, с чего начать, и, кажется, Рома тоже не знал. Он сидел, глядя на неё снизу вверх, приоткрыв рот, будто хотел что-то сказать. Слова не находились, и в этой заминке было что-то неловкое. Агнии стало не по себе.

— Это правда ты, — сказал он наконец, и голос у него дрогнул на середине фразы.

— Правда я.

Он поднялся с кушетки медленно, будто боялся резким движением спугнуть её, и подошёл ближе, остановившись на расстоянии вытянутой руки. Он разглядывал её лицо внимательно, и она почувствовала, как краснеет. Совсем как в юности у гаражей.

— Можно? — спросил он, поднимая руку, не договаривая, что имеет в виду, но она кивнула.

— Можно.

Его ладонь легла ей на щёку осторожно, будто Агния была сделана из хрупкого стекла, и большой палец легко провёл по скуле, стирая едва видимую слезу, которую она сама не заметила, пока не почувствовала прикосновение.

— Агнешка, — сказал он тихо, и в этом имени, произнесённом впервые за восемь лет, было столько всего сразу, что она разрыдалась по-настоящему. Она не сдерживалась, а он притянул её к себе, обнимая крепко и неловко, шепча что-то бессвязное ей в ухо. Это было что-то среднее между «прости» и «наконец-то». Она не пыталась разобрать слова, потому что и без них всё было понятно.

— Ты увидел меня, — сказала она, отстранившись наконец и вытирая лицо тыльной стороной ладони, глупо, по-детски. — Там, в клетке. Ты остановился.

— Я думал, у меня от удара галлюцинации. — Он невесело усмехнулся, коснулся собственной брови над пластырем. — Серьёзно. Первая мысль была: Лавров мне что-то отбил в голове, раз я вижу тебя среди зрителей.

— Не отбил.

— Уже понял. Врач подтвердил, сотрясения нет, значит, ты настоящая.

Он произнёс это с той же самой усмешкой, которую она помнила с шестнадцати лет. Что-то в груди у неё разжалось и отпустило, будто восемь лет напряжения наконец нашли выход.

— Мне нужно переодеться и разобраться с прессой, — сказал он, не убирая руки с её талии. Как будто боялся, что стоит отпустить, и она исчезнет так же внезапно, как появилась. — Полчаса, максимум час. Ты подождёшь?

— Я так долго добиралась сюда, сначала на метро, потом через какой-то рынок, по пути три раза сворачивала не туда. Час ожидания меня не испугает.

Он засмеялся, впервые за вечер, и его смех отозвался у неё внутри тёплым и щемящим чувством.

— Через рынок, значит. Навигатор тебя не пожалел.

— Навигатор меня за что-то ненавидит.

Час тянулся невыносимо долго, и Агния провела его в маленькой комнате отдыха для персонала. Сюда её проводили, пока Рома разбирался с журналистами. Когда он наконец вернулся, он был уже переодет в чёрную футболку и куртку. На плече висела спортивная сумка, и его вид выражал желание оказаться как можно дальше от арены и как можно ближе к ней.

— Пошли, — сказал он, уверенно взяв её за руку. — Знаю место, где нас точно никто не побеспокоит.

Они вышли через служебный выход, минуя толпу у главного входа, и оказались на пустой ночной улице. Воздух после духоты арены казался почти ледяным и обжигающим лёгкие с каждым вдохом. Рома снял куртку и накинул ей на плечи, не спрашивая, и она не стала возражать. Куртка пахла им самим настолько сильно, что голова слегка закружилась.

Машина у него оказалась простой, без претензий на статус. Эта простота почему-то тронула её сильнее, чем могла бы любая роскошь.

— Не удивлена машине? — спросил он, перехватив её взгляд, заводя двигатель.

— А должна быть?

— Люди обычно ожидают чего-то другого от чемпиона в титульном весе.

— Ты никогда не был человеком, который покупает вещи напоказ.

— Ты меня совсем не знаешь уже восемь лет, — сказал он без упрёка.

— Значит, кое-что не изменилось.

Он вёл машину вдоль набережной. Город отражался в чёрной воде дрожащими огнями, а Рома молчал, изредка поглядывая на неё.

Остановился он у смотровой площадки на самом верху набережной, откуда был виден весь город. Он выглядел, как россыпь огней, теряющихся у горизонта в дымке. Рома заглушил двигатель, но выходить не спешил.

— Расскажи мне всё, — сказал он, поворачиваясь к ней всем корпусом. — С самого начала. Я хочу знать каждый год, каждый месяц, всё, что я пропустил.

— Это долгий разговор.

— У меня, — он кивнул на часы на приборной панели, — вся ночь свободна. Думаю, у меня не найдется дела, которое важнее этого разговора.

Она рассказывала долго, путано, перескакивая с одного на другое. Про переезд в этот город. Про новую школу, где первые полгода она молчала на всех переменах, потому что говорить ни с кем просто не хотелось. Про то, как родители удалили все номера из её телефона и купили ей новую сим-карту.

Рома слушал не перебивая, но при упоминании о номере его лицо изменилось. Она замолчала на полуслове.

— Что?

— Я звонил, — сказал он глухо. — Абонент недоступен, и я решил, что ты смирилась и сменила номер сама. Специально. Чтобы я отстал. Иначе ты бы позвонила мне.

— Рома!

— Я думал, ты просто не хочешь, чтобы я тебя нашёл, — сказал он, и в голосе его прозвучала боль. — Ведь мы и правда настолько разные, что я мог сломать тебе жизнь. Восемь лет я был уверен, что это было твоё собственное решение.

— Это было решение моей матери. Она стёрла все номера еще в тот вечер, когда я собирала вещи под присмотром. И заменила симку, не спрашивая меня.

Они замолчали одновременно, глядя друг на друга.

— А я думала, ты забыл меня в первый же месяц. Что нашёл кого-то другого и просто не стал утруждать себя объяснениями.

— Как ты могла так решить?

— Может быть, мне так было немного легче.

Он взял её за руку, переплетая её пальцы со своими, и поднёс к губам. Он целовал её руку медленно, будто извиняясь за каждый год порознь по отдельности.

— Никого не было, кто хотя бы отдалённо был похож на тебя, — сказал он тихо. — Были люди. Но не было тебя.

Агния почувствовала, как к глазам снова подступают слёзы. Она не пыталась их сдержать. А он придвинулся ближе, вытирая их большим пальцем, и целуя сначала одну щёку, потом другую, потом, наконец, её губы. Медленно, бережно. Теперь у них впереди было достаточно времени, чтобы никуда не спешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.